

XLVIII
НИКОЛАЙ КУКШИНОВ

Николай Иванов[ич] Кукшинов, крестьянин-земледелец из дер. Кинозерской у того же Почезера, о котором упомянуто выше. Ему лет за 50. Кроме былин, здесь помещаемых, знал, но плохо, про Грозного царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

- Из Волынца города из Галица,
 Из Волын-земли неверные,
 Из той Корелы из упрямые
 Лежала дорожка широкая.
- 5 В ширину дорожка сорока сажень,
 В долину по дорожке не бывано.
 По той по дорожки широкие
 Идёт калика перехожая.
 Платье на нем веретном тряхнуть.
- 10 Идёт калика шатается,
 Своею клюхой подпирается,
 Под каликой земля подгибается.
 На той на дорожки широкие
 Стоит тут застава великая,
- 15 Стоит сорок воров, сорок разбойников,
 Сорок ночных подорожников.
 Берут калику за белы руки.
 Говорит калика таково слово:
 — Вы ай же воры разбойники,
- 20 Вы ай же ночны подорожники.
 Чево вам у стара захотелосе?
 Денег у мня теперь не было,
- Только есть один крест полтора пуда,
 Из самаво червонаво золота.
- 25 Обступили воры разбойники:
 — Нам неча со старым разговаривать!
 Примайтесь ребята за старова.
 У калики сила богатырская,
 Ухватка была молодецкая.
- 30 Ухватил он разбойника за ноги,
 Начал разбойником помахивать,
 Разбойник он гнётся — не ломится,
 На жильях проклятой не сорвется,
 Куда махнет — туда улица,
- 35 Куда отмахнет — переулочок.
 Прибил сорок воров всех разбойников
 И всех он ночных подорожников,
 И сам он калика вперед пошёл,
 Приходит ко погребам питейным.
- 40 Ходят тут голи кабацкие,
 Нагольни горькие пьяницы.
 Он говорил таково слово:
 — Вы ай же голи кабацкие,
 Вы нагольни горькие пьяницы!
- 45 Вы скиньте, голи, по денежке,
 Еще прибавьте по копеечке,
 Купите вина полтора ведра,
 Опохмельте калику перехожую,

Зау́тра напою вас безденежно.
50 Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копеечке,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики перехожие.
Берёт калика единой рукой,
55 Выпивает калика на единый дух.
— Спасибо, голи кабацкие!
Не напоили старика, лишь роззадорили.
Приходите к питейным по́гребам,
Напою я вас, голи, безденежно.

321

60 Приходили голи ко по́гребам,
Ждали калику перехожую.
Идет калика ко погребам,
Он двери колоды выпинывал,
Заходит во по́греба питейные,
65 Он бочку берёт он под пазуху,
Другую берёт он под дру́гую.
Краны печати взял оторвал:
— Пейте, голи, сколько надобно,
Споминайте калику — Илью Муромца.

Записано на Кенозере, 14 августа.

322

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И АЛЕША ДОРОДОВИЧ

- На той на дорожки латынские,
 На той на заставы богатырские,
 Стоит тут заставушка великая,
 Три сильных могучих три богатыря:
 5 Во первых богатырь Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
 Второй же Микита Романович,
 Под Микитой Олѣша Поповичѣв.
 Нельзя ни пройти ни проехати,
 10 Ни конному да и не пешему.
 Какая невежа проехала,
 Неверная сила прокатиласе,
 Не спросил он ни имени ни вотчины.
 Илья говорил таково слово:
 15 — Кому из нас ехать за богатырем?
 Послать нам Алѣшу Поповича.
 Поповские роды задумчивы:
 Хошь сам он падет, хошь богатыря убьет,
 Не спросит ни имени ни вотчины.
 20 Послать нам Микиту Романова.
 В дорожку Микитушка справляется.
 Он день-от ехал до темной ночи,

323

- И темну ночь ехал до белово дни.
 Другой день ехал до темной ночи,
 25 И другую ночь ехал до белово дни.
 Наехал он в поли на богатыря.
 Богатырь кричит аки лютой зверь,
 Он бьет коня по тучным бедрам,
 А сам говорит таково слово:
 30 — Конь мой конь, травяной мешок,
 Травяной мешок, медвежей обед!
 Ты разве, конь, во поли не бывал,
 Не слышал ты вороньево покрику?
 Не ворона ли в поле розлеталасе,
 35 Не пустое ли перо порозгрялось?
 Налетит ворона, я в корман брошу.
 Не бывать из кармана век и по веку,
 Не видать вороне свету белаво.
 Под Микитою конь пошарашился,
 40 И он на коне приурашилсѣ,
 Конь пал на колена лошадиные.
 Воротил Никита добра коня,
 Поехал назад ко заставушки.
 Встречав родитель ево дяденька,
 45 И дяденька Илья Муромец.
 — Ты ах же Микитушка Романович!
 Здорово ли ездил за богатырем,
 Срубил ли ему буйну голову,

Спросил ли про имя про вотчину?
50 — Ай же дядюшка Илья Муромец!
Я день-от ехал до темной ночи,
Темной ночи ехал до белово дни.
Другой день ехал до темной ночи,
Другую ночь ехал до белово дни,
55 Наехал я в поли на богатыря.
Богатырь кричит аки лютый зверь,
Он бьет коня по тучным ребрам,
А сам говорит таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мешок.

324

60 Травяной мешок, медвежей обед!
Ты разве, конь, во поли не бывал,
Не слышал ты вороньево покрику?
Налетит ворона, я в корман брошу.
Не бывать из кармана век и по веку,
65 Не видать вороне свету белаво.
Подо мною конь пошаршился,
А я на коне приустршился.
Конь пал на колена лошадиные,
Воротил я Никитушка добра коня,
70 Поехал назад ко заставушки.
Илья Муромец призадумался,
И сам он себе разговаривал:
— Верно некем у стара заменитися.
Росшатать разве старость богатырская,
75 Ехать мне в поле за богатырем?
Он день-от ехал до темной ночи,
Темну ночь ехал до белово дни,
Другой день ехал до темной ночи,
Другую ночь ехал до белово дни,
80 И третий день ехал до темной ночи,
И третью ночь ехал до белово дни.
Наехал он в поли на богатыря.
Богатырь кричит аки лютый зверь,
Он бьет коня по тучным бедрам,
85 А сам говорит таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мешок,
Травяной мешок, медвежей обед!
Ты разве конь во поли не бывал,
Не слышал ты вороньево покрику?
90 Не ворона ли в поле розлеталасе,
Не пустое ли перо порозгрялось?
Налетит ворона, я в корман брошу.
Не бывать из кармана век и по веку,
Не видать вороне свету белаво.
95 Под Ильєю конь не шаршился,
Илья на кони не устршился

325

И стал наезжать на богатыря.

Ударилсь молодцы во палици,
 И палици у них приломалисе,
 100 Ни который ни кóего не ранили.
 Ударилсь молодцы во копия,
 И копя у них приломалися,
 Ни который ни кóего не ранили.
 Ударилсь молодцы во сабельки,
 105 И сабли у них приломалисе,
 Ни который ни кóего не ранили.
 Сошли оны поборотися.
 В пошибках пошиб Илья Муромец
 И стал ему на белы груди.
 110 Сам говорил таково слово:
 — Скажи же, удал дородний молодец!
 Ты чьей земли, скажи, чьей орды,
 Чьевó отца да чьево матери,
 Чьево урождения великого?
 115 Он говорил таково слово:
 — Ты старой чорт Илья Муромец!
 Кабы я был на твоих грудях,
 Не спрашал бы ни имени ни вотчины.
 Вымал бы ножищо-кинжалищо,
 120 Порол бы твои груди белые,
 Вымал бы я сердце со печенью.
 — Ты скажи, удалый дородний молодец!
 Скажи, чьей орды, окажи, чьей земли,
 Чьево отца да чьево матери,
 125 Чьево урождения великого?
 Он говорил таково слово:
 — Ах ты старой чорт Илья Муромец!
 Кабы я был на твоих грудях,
 Не спрашивал бы ни имени ни вотчины.
 130 Вымал бы ножищо-кинжалищо,
 Порол бы твои груди белые,
 Вымал бы я сердце со печенью.
 — Не гордись нá меня, чадо милое,

326

Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
 135 Чьево отца да чьево матери,
 Чьево урождения великого?
 — Я той орды, да я и той земли,
 Тово отца да товó матери,
 Тово урождения великого.
 140 Зовут меня Алёша Дорóдович.
 Ильи Муромцу речи прилюбилися,
 Сходил как он со белой груди,
 Да поднял ево за белы руки,
 Целовал во уста во сахарние,
 145 Назвались они братьями крестовыми.

Записано там же, 14 августа.

327

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ

- Во славном батюшке во Киеви гради,
 У ласкова князя у Владимира,
 Было столование почестен пир,
 На многие князи а на бояра,
 5 На сильни могучии богатыри,
 На все поляницы на удалые.
 Долог день идё ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу,
 Почестные пир идё на весели.
 10 Все на пиру пьяны веселы,
 Все на пиру напивалисе,
 Все на честном наедалисе.
 Князь-де Владимир светел радошен,
 Выходит на крылечко перёноё,
 15 Опирается в перилицо точёноё,
 Зрел-усмотрел в чистбе во полё.
 Издáleка далёка из чиста поля
 Идут мужики граждана,
 Граждана мужики посадские,
 20 Посадские рыболовщички.
 Кланяются князю поклоняются,
 Бьют-де челом, жалобу творят:

328

- Солнышко-де нашо красное,
 Солнышко Владимир стольне-киевской!
 25 Пьешь-де еси, спотешаешься,
 Над нами победушки не ведаёшь.
 Над нами победа состояласе,
 На наших любимых на займищах
 У нас-то ли было на Сароги на реки,
 30 Неведомые люди появились.
 Платье на них дорогой скурлат,
 Источниками подпоясалисе,
 Шапки на них черны мурманки,
 Черны мурманки золоты вершки.
 35 Сапóжки у них-де зелен сафьян,
 Дóрога сафьяну заморского,
 Хóроша шитья новоторского.
 Нос-от шилом — пята востра,
 Около носу яйцó покати,
 40 Под пятау соловей пролети.
 Наши невода роздёргивали,
 Свои невода замётывали,
 Рыбу сорогу повыловили.
 Нам, государь, лову не было,
 45 Вам, государь, подносу нет,
 Нам от вас нету жалованья.
 Скажутся-называются —
 Всё это дружина Чурилова.

Он и говорил таково слово:
50 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
Та толпа мимо двор прошла,
Новая из поля появляется.
55 Идут мужики гражданина,
Граждана мужики посадские,
Посадские зверёловщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьют-де челом, жалобу творят:

329

60 — Солнышко-де нашо красное,
Солнышко Владимир стольне-киевской!
Пьёшь-де еси́, спотешаешься,
Над нами победушки не ведаёшь.
Над нами победа состояласе,
65 На наших любимых на займищах
У нас-то ли было во темных во лесах
Неведомые люди появились,
Наши они петельки задёргивали,
Свои они петельки заметывали,
70 Кунку да лиску повыловили,
Чёрного соболя повыдавили,
Серого заморского зайца.
Нам, государь, лову не было,
Вам, государь, подносу нет,
75 Нам от вас нету жалованья.
Скажутся-называются —
Всё это дружина всё Чурилово.

Он и говорил таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
80 Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
Та толпа мимо двор прошла,
Новая из поля появляется.
Идут мужики гражданина,
85 Граждана мужики посадские,
Посадские огороднички,
Кланяются князю поклоняются,
Бьют-де челом, жалобу творят:
— Солнышко-де нашо красное,
90 Солнышко Владимир стольне-киевокой!
Пьёшь-де еси́, спотешаешься,
Над нами победушки не ведаёшь.
Над нами победа состояласе,
На наших любимых на заводах,
95 На наших любимых на займищах
Неведомые люди появились.

330

Наши заводы раздергивали,

- Свои они огороды заметывали,
Травку-муравку повытоптали,
100 Красных девиц к сорому привели,
Молодых молодушек прибесчестили,
Старых старух обизвичили.
Скажутся-называются —
Всё это дружина Чурилова.
- 105 Он и говорил таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
За тем за столом белодубовым,
110 На той на скамейке слоновых костей
Сидел тут удалой добрый молодец,
По имени Иван да Иванович.
Он сам говорил таково слово:
— Знаю я Чурилову вотчину,
115 Знаю я Чурилову поселицу,
Знаю я, Чурило где двором стоит.
У Чурила двор на Сароги на реки,
Супротив креста Леванидова,
У святых мощей у Борисовых.
- 120 У Чурила двор на семи верстах,
Около двора есть булатный тын,
На каждой тыниночке по маковке,
И маковки были золочёные.
Посередь двора стоит три терема.
- 125 Свѣдены были по небесному:
На неби солнце и в тереми солнце,
На неби месяц и в тереми месяц,
На неби звезды и в тереми звезды.
По небу звездочка покатится,
130 По терему звездочки посыплются,
В котором же тереми Чурило живѣ,
Трои были сени косерчатые,
Трои были сени стекольчатые,
- Трои были сени решатчатые,
135 Пол и середа из чиста серебра,
Потоло́ка были соболиные,
Завесы были миткалиновые.
Справляется Владимир стольне-киевской,
Со многими князьями со боярами,
140 Со всема купцами со торговыми,
Поезжает Чуриловой посѣлицы смотреть,
Приезжает Владимир ко Чурилову двору,
Сам говорил таково слово:
— Как сказано да так и сделано.
- 145 Из этого терема высокого
Выходит стар-младыи матѣр человек,
Кланяется князю поклоняется,
Берѣ его за ручки за белые,

- Проводит во тѣрема высокіе,
150 Садил за столы белодубовы,
Кормил-де поил хлебом солию.
Князь-де Владимир воспотешился,
Сел под окошко косерчатое,
Зрел-смотрел во чистое во полѣ.
155 Из дѣлека далѣка из чиста поля
Едет молодцов сот до двух,
Все молодцы одноличные.
Платье на них дорогой скурлат,
Источниками подпоясалисе,
160 Шапки на них черны мурманки,
Черны мурманки золоты вершки.
Сапожки у них-де зелен сафьян,
Дорога сафьяну заморского,
Хороша шитья новоторского.
165 Нос-от шилом — пята востра,
Около носу яиц покатѣ,
Под пята соловей пролети.
Кони под нима были латынские,
Узды, повода сорочинские,
170 Седельшка были чиста золота.

332

- Кони бежа как соколы летя.
Та толпа к ним на двор пришла,
Новая из поля появляется:
Едет молодцов сот до трѣх,
175 Все молодцы одноличные.
Платье на них дорогой скурлат,
Источниками подпоясалисе,
Шапки на них черны мурманки,
Черны мурманки золоты вершки.
180 Сапожки у них-де зелен сафьян,
Дорога сафьяну заморского.
Хороша шитья новоторского.
Нос-от шилом — пята востра,
Около носу яиц покатѣ,
185 Под пята соловей пролетѣ.
Кони под нима были латынские,
Узды, повода сорочинские,
Седельшка были чиста золота.
Кони бежа как соколы летя.
190 Та толпа к ним на двор пришла,
Новая из поля появляется:
Едет молодцов до четырёх сот,
Все молодцы одноличные.
В той толпе превеликие
195 Едет Чурило сын Плѣнкович.
Едет Чурило на трѣх лошадях,
С лошади на лошадь перескакиваѣ,
Из руки в руку копье перемѣтываѣ.
Князь-де Владимир испужается:

200 — Какая-то невежа появляется,
Не просит ли в поле поединщика?
(Дальше не знает.)

Записано там же, 14 августа.